

## Онтология памяти. К 100-летию М.Я.Гефтера.

*Неретина С.С., Институт философии РАН, Москва*  
[vox-journal@ya.ru](mailto:vox-journal@ya.ru)

**Аннотация:** Статья посвящена 100-летию со дня рождения историка, освещавшего проблемы методологии и философии истории, М.Я. Гефтера, потому речь пойдет о том, как историю представлял историк. История, по мнению Гефтера, прежде всего, - не естественно-исторический процесс, она определяется как Выбор, как движение Выбора, подошедшего к концу: в XX в. история превратилась в панисторию, лишившись прежнего смысла - осуществлять «экспансию всемирного единства», и превратившись в абсурд, вводящий человека в неведомую-жизнь-после-истории и являющийся сигналом достижения историей своего предела. История и историк вступили в сферу обмана, ибо говорится то, чего нет, а человек оказался в нуле форм, - про что даже, вопреки Гефтеру, нельзя сказать, что он разместился на границе между мгновенно исчезающим прошлым и едва промелькивающим будущим, ибо в нуле форм их нет, - это иллюзия. Говорить о пограничье позволила Гефтеру принадлежность к «падшему», послевоенному поколению. То, что сейчас называется историей, превратилось в утопию. В качестве причины конца истории он называет «гибридные» основания: смешение абсолютного зла с абсолютным добром. Статья завершается публикацией писем Гефтера к автору статьи.

**Ключевые слова:** философия истории, методология истории, конец истории, время, абсурд, Мир, вопрошание, начало, выбор, обман

---

### *От истории как Выбора до признания Абсурда*

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Михаила Яковлевича Гефтера (24 августа 1918 – 15 февраля 1995) – историка, философа, публициста, как говорится о нем в Википедии. Говорится правильно и именно в такой последовательности: начинал как историк (во время начавшихся гонений после издания книги «Историческая наука и некоторые проблемы современности»<sup>1</sup> подарил мне оттиск статьи 1969 г. «Топливо-нефтяной голод в России и экономическая политика третьеиюньской монархии», опубликованной в т. 83 «Исторических записок» в 1969 г.), стал философом как зачинатель новой философии истории, затем много работал в публичном пространстве: организовывал вместе с А.Д.Сахаровым, Ю.А.Афанасьевым и др. «Московскую трибуну» - дискуссионный клуб интеллигентов, обсуждавший разные вопросы экономики, национальных отношений, политики, культуры, собирал конференции по Холокосту (благодаря Гефтеру эта тема прочно вошла в нашу жизнь), с февраля по октябрь 1993 г. был членом консультационно-аналитического совета при Президенте России, откуда вышел в знак протеста против расстрела Верховного совета.

---

<sup>1</sup> См. об этом: *Неретина С.С. История с методологией, или Конец истории // Неретина С.С. Точки на зрении. СПб.: РХГА, 2005. С. 15–76.*

Все это, однако, было *после* разгрома сектора истории методологии, который он инициировал в 1964 г. в Институте истории АН СССР и который просуществовал 5 лет. А до этого были не только трудные годы послевоенного существования, но и война, на которую пошел добровольцем, был дважды ранен, награжден орденами Славы III степени и Отечественной войны I степени. Война не только перевернула всю его жизнь: она никогда не исчезала ни из его памяти, ни из его мыслей. Можно сказать (с известной, правда, долей риска), что не последующее аутсайдерство, а именно память о довоенной легкости, военные тяготы и потеря друзей обозначили парадоксы и переломы в *его* истории – во всех смыслах слова, и как его личного жизненного пути, и как предмета его неустанной интеллектуальной заботы.

Сейчас больно читать его Заявление в дирекцию Института всеобщей истории. «С 14 ноября 1975 г. прошу не считать меня сотрудником Академии наук. М. Гефтер»<sup>2</sup>. Продуманное заявление, обращенное в дирекцию как таковую, без обозначения конкретных фамилий, с просьбой не считать сотрудником не Института, а всей Академии. Даже будучи в Академии, он не мог позволить себе сказать, что какая-то тема, касающаяся истории, может быть не академической (будто кто-то твердо знает, что это такое), что об этом не стоит говорить, мелкогато для серьезного анализа, – он сам был совершенно неакадемическим историком. Знал: есть в истории такие моменты, которые, несмотря на их кажущуюся малость, причиняют совсем не малые последствия. Иногда достаточно неверно истолковать слова – и пойдут гулять «поручики же», переименованные в поручика Кижэ.

Его, он сам об этом написал, легко упрекнуть в беллетристичности за то, что написал, например, такое. «Что иное “второе пришествие”, как не бытие Конца, производящего вновь и вновь Начало? Что иное человечество, как не избранничество, свободное от какого-либо превосходства человека над человеком? Что иное история, как не человечество-путь, совершаемый в “обратном” порядке: от всесветной искомости к тому, что налицо – в виде идеи, претворенной в очаг, в “локус”, где уже в свернутом виде вся ойкумена? Из первых двух тезисов – третий: история, раз возникнув, стремится преодолеть собственную ограниченность. Каждый предел – рубеж. Каждый виток ее экспансии – ступень восхождения. Каждый “захват” – раздвижка основания, прирост родословной: все живые и все мертвые не больше, чем пролог, пьедестал»<sup>3</sup>.

Можно сказать, да и сам Гефтер говорит, «что эти выражения не отличаются строгостью»<sup>4</sup>. Но такой языковый слом свидетельствует, что «все перемешалось, давно и безнадежно перемешалось в нашем доме... сдвинулось с насиженных мест»<sup>5</sup>. Здесь нужен только простой нарратив, простой, близко к тексту, рассказ-пересказ. Здесь бы просто переписать старое начисто, не мудрствуя лукаво, только для того, чтобы обозначить позиции, на которых стоим, и обозначить те, которые смутно маячат.

---

<sup>2</sup>Гефтер М.Я. Прощальная запись // Век XX и Мир. Михаил Гефтер. Аутсайдер – человек вопроса. 1996. № 2. С. 7.

<sup>3</sup>Гефтер М.Я. История – позади? Историк – человек лишний? // Век XX и Мир. Михаил Гефтер. Аутсайдер – человек вопроса. 1996. № 1. С. 15.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup>Гефтер М.Я. Прощальная запись. С. 7.

Гефтер назвал этот рассказ «Прощальной записью», меж страницами которой пролегли 1976 и 1990 гг., от ухода из Академии до еще не конца, еще даже не конца советской власти. Но все уже поставлено под вопрос (у нас ведь даже не переведен пока Хайдеггер, а уже Марк Печерский пишет «Оду вопросительному знаку», считая его «главным героем Гефтера»). Поставлены под вопрос такие повседневные обязанности, как служба, он считает это приметой времени, поставлен под вопрос долг («перед кем, собственно? Перед собой... либо перед всеми», в том числе «теми, кому нет дела сегодня... до этого выбора»), сам выбор, даже либерализм – потому что «пожалован» и потому что выморочен.

История – не естественно-исторический процесс, не «сплошняк», как говорит Гефтер. Он иронизирует: «Каждый день будто исторический, а уж каждый “съезд”, каждый “вождь”... к этому-то приучены лучше прочих и многих прочих одарили»<sup>6</sup>. И Выбор (он пишет это слово с прописной буквы) совершается внезапно, «не по графику... От взорванной заданности»<sup>7</sup>... Ощущение разрыва Мира, другости Мира он воспринимает как «свое» - от теоретически понятой внезапности. Он ей следует и ее утверждает.

Можно сказать, что ничего хорошего в простом бездоказательном утверждении нет. Но как понимать доказательность? У него она - другая, та, которая идет от внутреннего осуществления тождества себя и мира, которое он называет легкостью и счастьем, тут же давая определение тому и другому: «Легкость – ощущение целого, где нет распаханной полосы: вне человека и внутри него. Счастье – слияние с открывшимся... Миром. Я и Он – равные. Пусть на мгновенье, но равные»<sup>8</sup>.

Можно сказать, что здесь нет логики. Но разве начало логики логично? Оно потому и начало, что что-то на основании чего-то утверждается. Логика называют это описанием. Гефтер описывает свое состояние легкости и счастья, возникшего ранним крымским утром на балконе дома. Он говорит не о за(м)ученной логике – говорит о «другой жизни и другом Мире»<sup>9</sup>. Этот другой Мир можно обнаружить, если не «загонять себя в гетто вчерашних слов, уставов, запретов»<sup>10</sup>. Михаил Яковлевич иронизирует над тем, что мы считаем себя другими, но употребляем старые слова, пытаясь и других загнать в эту сеть старых слов и понятий. Я лично могу сослаться на множество рецензий с упреками в том, что надо ссылаться не на тех, а на этих, потому что именно они – хорошие. Когда же смотришь эти иногда действительно хорошие книги, то оказывается, что они – о другом, хотя и с похожими словами.

Мы перестали доверять друг другу.

Гефтер называет людей «жалкими – устаревшими словами. И вдобавок уверенными, что быть не может иных»<sup>11</sup>.

Что делает Гефтер? Конечно, он хочет учить – учительства ему не доставало, он хотел больше и больше. Один штрих: он не любил разговаривать сразу со многими. Любил беседовать tête-à-tête. И слушать любил не долго. Я, впервые побывав в Италии,

<sup>6</sup> Там же. С. 11–13.

<sup>7</sup> Там же. С. 13.

<sup>8</sup> Там же. С. 15.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Там же.

разбежалась было на долгий рассказ (Библеру рассказывала пять часов), а он устал. Я, может быть, тоже говорила старыми словами. Все уже изменилось, а слова – те же. Бибахин говорил: мы все время опаздываем. Но где и как сразу найти новые слова? «Старые слова» были характеристикой истории, именно потому, может быть, и создается впечатление, что история ведет речь о прошлом. «На всем след ошибки» - эти слова Герцена о себе и сказанные себе ярче и тише всего свидетельствует в общем-то давно известное от Августина: «Я ошибаюсь, следовательно, существую». В *этом* смысле Гефтер историю не любил и хотел найти ее новый смысл.

Его рваный стиль – свидетель такого поиска. При таком черновом размышлении вслух вдруг рождается определение: Выбор – это «псевдоним истории и оспариватель ее»<sup>12</sup>. История – это «движение Выбора, пересоздающего и самой себя»<sup>13</sup>. Это и есть, на мой взгляд, постоянная сослагательность, постоянно себя же и отвергающая. Сослагательность – не контролирующая функция разума после свершения факта, а сопровождающее его, разума, действия, постоянно готового к изменению.

Гефтер, кажется, впервые всерьез, попытался понять смысл сравнительно-исторического метода, предложив прочитать все доступные тексты какой-либо предыдущей эпохи (например, XIX века) как один текст, чтобы понять не семиотический код, а ту «тайну», которая неуклонно живых и мертвых (Мертвые души, Мертвый дом) вела к самодержавию, к Одному, к перелицовкам Одного<sup>14</sup>, и к неосуществимости планов, «приговоренностью к неосуществимости», что делает Начало нескончаемым и недовершаемым<sup>15</sup>.

Читая Гефтера, вспоминаешь чтение «Кратила» и заговаривающегося, впадающего в транс Сократа, которого собеседник вынужден останавливать, чтобы осмыслить, запомнить, понять, что именно он говорит. Иногда, размышляет он, – при вслушивании-всматривании, поскольку смысл ускользает, – вспыхивают знакомые слова: Мир, ядерный Мир и пр. Отрезвляешься вопросом, надо ли при таком оружии разрушать Карфаген, сиречь старую (советскую) Россию. И, поскольку, как правило, желающих разрушить не находится, нет и вывода-выхода, ибо можно или, «спасаясь от собственной державы, ненароком погубить все и вся»<sup>16</sup>, или «уберечь» то, что отвергалось. В последнем случае и возникает *исторический* вопрос: «ради чего жить..?»<sup>17</sup>, равнозначный вопросу о смысле *истории*.

Для чего Гефтер фиксирует старый парадокс «казнить нельзя помиловать»? Для того, чтобы поставить под вопрос и тот самый Выбор и то самое Начало, о которых сам же говорил, что именно к ним стремится история. «Выбор – пустой звук, если он не начало. А начало? Тоже пустой звук, если не переначать себя» (сослагательность возникает сама собой. – С.Н.). Если же речь встала о переначале начала, то должен встать вопрос о предвыборе, который можно сформулировать через *где? и чем?* Впечатление такое, что задаются новые вопросы Аристотелевым категориям. У того: что? сколько? какой? «Где» тоже есть, это тот самый «локус», т. е. идея, претворенная в

<sup>12</sup> Там же. С. 11.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> См. там же. С. 19.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же.

очаг, «где уже в свернутом виде вся ойкумена»<sup>18</sup>. Смысл – в полной утрате себя, даже в утрате того, что каждый называет своими *звездными* часами.

Да и не ново это вопрошание: если открыть любое средневековое творение, обнаруживается, что на любой вопрос можно ответить «да» или «нет». «Есть ли человек человек?» - спрашивал Августин. «Да», если речь идет об означаемом человека, «нет», если речь идет о совокупности букв и звучании слогов<sup>19</sup>. Это вопрошание – полный провал такого вопрошания. Или: разными новыми словами воспроизводится старая логика.

Казалось бы, Гефтер это понимает, ибо жестко констатирует старое: «мир – тюрьма», как бы забывая, что только что он сказал о полной утрате себя. Но это значит, что идея, которая только в голове, в интеллекте, т.е. которой нет, осуществила себя в обмане. Потому хорошо бы поставить вопрос (прямо относящийся к истории), *что такое обман*. Известны его значения как мнимого представления, иллюзии, приставка *об-* означает и движение вокруг чего-то, движения вокруг мановения, кручения вокруг, никуда не ведущего или ведущего не в ту сторону. Не то же ли воспроизводит историк, решивший под вопрос поставить саму историю?

Произнеся «мир – тюрьма», Гефтер втягивается в диалог с «Гамлетом», который есть *трагедия*. То, что Гамлет – не олицетворенное сомнение со шпагой в руках, это для Гефтера – даже не вопрос. Его волнует «не покидающее чувство бездонности, смещения критериев, сомнение и возможности для человека... воплотить этот образ, не утратив постоянно меняющегося смысла неизменных слов»<sup>20</sup>. Это, кстати, тоже – шаблон – употреблять такого рода антонимы: «меняющийся смысл неизменных слов». Но Гефтер был действительно потрясен «Гамлетом». Он был членом редсовета в театре на Таганке. Ю.В. Любимов ставил трагедию. Гефтер был активен, но был потрясен режиссерским талантом Любимова, который решал проблему Гамлета не по ученым указаниям, для него это было также свидетельством исторических смещений. Он написал большой текст. «Гамлет» стал, однако, частью не статьи, а всей его жизни. История воспротивилась времени. «Трагедия противится хронометражу. Часы? дни? годы? вечность?.. Протагонист раскрывается бегством от НЕСВОЕГО действия, изменой НЕСВОЕМУ слову. Да, именно так, только так – изменою, бегством»<sup>21</sup>.

В книге «Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы»<sup>22</sup> я писала об истории как о том, что несет славу, о славословии, о том, что становится таковым, как о том сказано. Здесь речь идет о том, что история (деяние) *параллельна* сказыванию и *антагонистична* ему: говорится одно, понимается другое, мысль одно, поступок другое. Гамлет весь, как пишет Гефтер, «загадка совместимости»<sup>23</sup>. Любой поступок

<sup>18</sup>Гефтер М.Я. История – позади? Историк – человек лишний? С. 15.

<sup>19</sup>Августин. Об учителе / Пер. с латыни В.В.Бибихина // Памятники средневековой латинской литературы IV – VII веков / отв. ред. С.С.Аверинцев и М.Л.Гаспаров. Сост. О.Е.Нестерова. М.: Наследие, 1998. С. 189.

<sup>20</sup>Гефтер М.Я. Прощальная запись. С. 22.

<sup>21</sup> Там же. С. 23.

<sup>22</sup>См.: Неретина С.С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. М.: Голос, 2018.

<sup>23</sup>Гефтер М.Я. Прощальная запись. С. 23.

«раздвоен, разорван изнутри. И любой сомнителен». «”Так небеса велели, им покарав меня и мной его”. Им – человеком по имени Полоний. Им, заколотым, покаран!»<sup>24</sup>.

Гефтер один из немногих в наше время обратил внимание на активно-пассивное действие, свойственное человеку. История-Время как раз и выражают эту активность-пассивность: в обязанности истории действие, в обязанности времени выражение того, что сделано или делается. Они по своим обязанностям могут пересекаться, а могут и не совпадать. Мы не знаем времени эволюции человека, мы не знаем о времени существования многих племен, хотя следы их жизни нам показывают археологи. Если мы не знаем о них, мы не можем говорить, что это были доисторические племена, так же, как не можем говорить и о том, что это были племена, у которых не было понятия «история». Мирчо Элиаде уверен в наличии метафизики даже при отсутствии слов, ее подтверждающих. «Мы не поднимаемся к метафизике, а удаляемся от нее», - считал он<sup>25</sup>. Для Гефтера Время – это переводчик с языка одной эпохи на язык другой, т. е. время понимается как передатчик значений речи, чего история делать не обязана. И это диалог равных, не предполагающий регламента. Когда Гефтер говорил, что надо заново учиться говорить и учить друг друга, он вряд ли знал, что он почти повторяет начало диалога Августина «Об учителе», в котором «говорить» и «учить» - синонимы.

Но именно это свидетельствует, что речь, по сути, действительно многосмысленна, и смысл не меняется (см. выше), а открывается с новой стороны или просто обретается новый, объемный. В истории речь – главное. Время может быть равным нулю. Но в таком случае оно не дает истории быть.

### ***Не быть, быть вне***

Гефтер, пока не называя, описывает время, равное нулю. Он описывает дорогу в Саласпилс и то, что случилось в Саласпилсе, пережив собственную жизнь. Он понял, что «нет возврата». «Не в институт, это само собой. Нет возврата в прежнюю жизнь»<sup>26</sup>.

Мы иногда сетуем: мы не осмыслили ни Освенцима (здесь – Саласпилса), ни ГУЛАГа. Речь, как правило, ведется о «мы» как о «народе». Но, может быть, потому и не осмыслили, что не ступили на ту дорогу в Никуда, которую описывает Гефтер, лично не увидели возвращающихся из Никуда. И – может быть (говорю почти тихо), и хорошо, что не ступили (не пережили) – ведь можно сойти с ума. «Нет возврата в прежнюю жизнь», потому что с утратой места в жизни можно потерять и жизнь. «Ведь место и жизнь, они у нас, как сиамские близнецы. И еще неизвестно, какая из перемен доступнее, чему быть раньше»<sup>27</sup>.

Он говорит: «Если, конечно, оставаться историком... Еще бы потянуть».

Ответ на свой главный вопрос он не получил. Ибо вопрос же не «что такое история, а «что мы хотим от истории? Узнать, “как оно было”? Или – “отчего не вышло” (подстановка ответа, низвергающая вопрос)? А можно ли узнать, “как было”, наперед зная результат - догматически полагая его “известным”? Сегодня “поднимать

<sup>24</sup> Там же. Шрифты – Гефтера.

<sup>25</sup> Элиаде М. Миф о вечном возвращении // URL: [http://ofar.ru/pisatel/7682/book/49104/eliade\\_mircha/mif\\_o\\_vechnom\\_vozvrashchenii](http://ofar.ru/pisatel/7682/book/49104/eliade_mircha/mif_o_vechnom_vozvrashchenii). Дата обращения 03.05.2018.

<sup>26</sup> Гефтер М.Я. Прощальная запись. С. 30.

<sup>27</sup> Там же. С. 30–31.

прошлое” означает видеть его по отдельным изъятым кусочкам, к которым примеривается современный взгляд: хорошо-плохо, подходит-не подходит... “Почему не сами по себе?”, “Отчего не озападнились?”. Все это значит впасть в достоверную ложь: протрацию, сжирающую слова и поступки. Прошлое – не экстраполируемо ни из нашего самопонимания, ни из предыдущего, каким оно видится нам. Оно – альтернативно по природе, по навязчивости, по своей неустойчивости и неданности (ему) окончательного вида. (Все ли, что было, могло стать прошлым?) Его надо увидеть принципиально непохожим, – и этим тревожно необходимым, этим-то неотделимым от нас, сомнительных для самих себя... Тогда и деталь растет в образ Мира»<sup>28</sup>.

Но он умел прощаться. К тому же дал еще один ответ на старый вопрос о том, кто лишний человек: им оказался историк. «С двух концов XX век подорвал историю: сделав всю Землю ее территорией, он лишил резона *экспансию всемирного единства*, а убийство из кровавого спутника этой экспансии превратил в абсурд, столь всеобщее-укорененный, что превозмочь его человеку дано (ежели вообще дано) лишь посредством нового безумия»<sup>29</sup>, который называется абсурдом, ведущим человека «в неведомую-жизнь-после-истории» и являющимся, как говорит Гефтер, сигналом достижения историей своего предела<sup>30</sup>.

Что значит, с этой позиции, конец истории? Это значит, что история и историк вступили в сферу обмана, ибо говорится то, чего нет, а человек оказался в нуле форм, про что даже, вопреки Гефтеру, нельзя сказать, что он разместился на границе между мгновенно исчезающим прошлым и едва промелькивающим будущим, ибо в нуле форм их попросту нет, они – обман, иллюзия. Говорить о пограничье позволила Гефтеру, по его словам, лишь принадлежность к «падшему» поколению.

23 года прошло после его смерти, после разгона сектора полвека, а я болею сейчас так же, как и он, перечитывая его «Прощальную запись». Он пишет: «С юности привык – ВМЕСТЕ. Менялись – ВМЕСТЕ: сутью, близостью. Но никогда не было, чтоб без них. И последнее ВМЕСТЕ – наше “методологическое братство”, наше институтское противостояние: мы и Старая площадь, – из самых кровных. Теряя его, правда, также вчерашнее, но еще свежее: воспоминанием, горячкою незавершенных схваток, болью разочарований, – его теряя, чем заместить накатившую пустоту?»<sup>31</sup>. И я понимаю и ощущаю, что меня тоже никогда не покидало это «вместе», когда мы работали, не замечая времени, когда я возвращалась от него в 2 часа ночи, неся под мышкой какую-то бумажную простыню, где мы расписывали наши планы и свершения. Оставшаяся запись в моем дневнике свидетельствовала о напряжении, связанном с подготовкой статей (упомянутые фамилии – авторы этих статей): «9/XII 1968 г. (работа над “Ленин и проблемы истории классов и классовой борьбы”)... Позвонить обоим Веберам и Куропятнику, Матюгину послать открытку. Литваку передано на доработку. Должен вернуть в к[онце] января.

Мальков, Барг - сдано на машинку 13 декабря

<sup>28</sup> Цит. по: *Высочина Е.И.* Михаил Яковлевич Гефтер (1918-1995) // *Историки России: Послевоенное поколение*. М.: АИРО-XX, 2000. С. 79-114. URL: <https://refdb.ru/look/1312125.html>. Дата обращения – 03.05.2018.

<sup>29</sup> *Гефтер М.Я.* История – позади? Историк – человек лишний? С. 31.

<sup>30</sup> Там же. С. 32.

<sup>31</sup> *Гефтер М.Я.* Прощальная запись. С. 31.

Славин - получено мною 25 декабря  
Симония - к 1 марту (договор[ились])  
Волобуев - конец января (договор)  
Данилов - 8-10 января по возвр[ращении] Тарновского из отпуска (договор)  
Вебер Б.Г. - в самых первых числах  
Куропятник - к 15 января  
Вебер А.Б. - к 15 января  
Драдзинас - конец января».

О чем я пишу? Об истории. Об истории как утопии – и об истории как событии нашей жизни. «К чему та история, что пишется, какую учат? Утешать или заново взбадривать? Человеческие гибели оправдывая сохранением рода человеческого или в меру сил своих его оберегать – от все более опасных приступов финалистской горячки? “На лестнице колючей разговора б!”»<sup>32</sup>. Когда это написано? В 1976-м или в 2018-м? Много ль надо, чтобы быть прозорливым или надо знать природу людей?

Заныло от показавшейся неточности, когда прочитала: «Те, кто позади, - не больше, чем предшественники. А жизнь их – черновик для переделки и исправления следующими»<sup>33</sup>. Подумала: не исключено, что сам бы исправил. Но вдруг осенило: имел в виду читателей, историков, подправляющих не то, что биографии - саму историю. Недавно мы столкнулись с ее подверсткой под «государственные интересы», осуществленной министром (!) культуры.

Гефтер не только не уходит от проблем, но ставит их в лоб. Например, проблему российского бытия. Он начинает с вопроса, который мучит почти всех, пытающихся понять, «как нам обустроить Россию»: с чем мы имеем дело? Его задает, что у размышляющих над этим дело идет о «все той же российской исключительности – с заднего крыльца. Одни в Мире, ни на кого не похожие?»<sup>34</sup>.

Его ответ-размышление таков. Мы ни на кого не похожи и похожи на всех: «будущих в прошлом. И тогда не назад к Чаадаеву, а вперед – к чаадаевскому вопросу, близнецу гамлетовского: “Не быть или быть?” Сначала: **не быть**»<sup>35</sup>. Не быть – это значит лучше понять все раздвоенности, несводимости и разорванности, значит не участвовать в событии, «обреченном на поражение», а таковым является то, где нет готовности к собственному выбору и в использовании тех, кто к нему также не готов. Олицетворением такой обреченности для него был князь С.П. Трубецкой, несостоявшийся диктатор восстания 14 декабря 1825 г., поскольку «был старовером вольности, равно враждебной шапке Мономаха и фригийскому колпаку»<sup>36</sup>. Событие 14 декабря стало для Трубецкого, «чужим» событием.

Реально Гефтер прорабатывал скорее мистическую, в некотором смысле и религиозную идею совпадения собственного (что и есть свобода) с раскрывающейся изначальной заданностью мира. У него сложные отношения с религией. Религия для него - не конфессия. Это видно из слов, которыми он практически заканчивает свою

<sup>32</sup> Там же. С. 32–33.

<sup>33</sup> Там же. С. 33.

<sup>34</sup> Там же. С. 35.

<sup>35</sup> Там же.

<sup>36</sup> Там же. С. 38.

Прощальную запись: «”Свободны наконец! Свободны наконец! Великий, всемогущий Боже, мы свободны наконец!” Псалом американских негров, призыв Мартина Лютера Кинга, равно обращенный и к атеистам, и к белым. Я принимаю их сегодня»<sup>37</sup>. Он словно знал Бога, который, не будучи, был. «Господи, поверь в нас: мы одиноки». Призыв ли это или сообщение-послание кому-то, кого еще нужно создать? В плане книги о себе, который он составил, один из пунктов - «Бог в моей жизни».

Близко зная Гефтера в течение примерно десятилетия, с 1968 г. по 1977 г.<sup>38</sup>, храня многое из его и секторского архива у себя дома, давая ему читать свои первые опусы по средневековой «Схоластической истории» и «Исторической библии», я заметила его интерес к идеям тропов, особенно метонимии и оксюмору, двусмысленности понятия. Рассказывая о себе ли, друзьях, исторических героях или мыслителях, он вкладывал в них, проводил через них, через все их существо **всю** историю. Они персонифицировали историю, были самой историей. Но при этом я не заметила его интереса к религиозному ни мышлению, ни сознанию. Был действительно интерес историка. И я иногда льщу себя надеждой, что, когда он определял веру через слово и его звучание, может быть, здесь есть что-то от наших с ним взаимных обсуждений. Ибо и меня в то время интересовало состояние равнозвучия знания и сознания.

Гефтер назвал состояние знания, когда событие переходит в другие руки, совершается не собою, но своими руками, «испытанием на поражение»<sup>39</sup>, приведенным в движение сомнением в собственном выборе. Новый цивилизационный ход – в осмыслении развилки между возможностью и осуществимостью, в способности уступки «своего» события «чужим» продолжателям. Только после такой выучки, позволяющей стать свободным и одиноким - от среды, взглядов, привязанностей, дружеского кружка, от себя, можно снова обрести историю, сомневаясь, однако, стал ли бы он при таком ее понимании писать апологию истории. Об этом он рассуждает, думая о судьбе России.

### ***От нулевого времени к ожиданию. Имморализм***

Почему-то Гефтер не любил нуля. Он постоянно подчеркивал: «не от нуля, а сначала»<sup>40</sup>, будто в начале не было нуля, хотя к нулю постоянно возвращался, поскольку пишет о конце истории, отвечая Ф. Фукуяме.

Пишет, что это – не новое понятие. Действительно не новое: достаточно вспомнить христианскую идею эсхатологии. Гефтер, однако, «выясняет, что понимается под “концом”»: завершение как полнота осуществления или обрыв как истощение воплощательной энергии? Финал, переходящий в плато безоблачного стационарного существования, где господствует образумленное потребление, либо преддверие иной Жизни, способной не только согласовать *несовпадающие* помыслы человека, но... уравновесить “искусственную” (сотворенную и творимую)

<sup>37</sup> Там же. С. 41. Синтаксис Гефтера.

<sup>38</sup> Мы возобновили наше дружество со времени пребывания в тюрьме КГБ Л.Б.Тумановой, с которой, а также с В.С.Библером и А.С.Арсеньевым, одновременно были зачислены в сектор. Обстоятельства размолвки сохранены в моем дневнике.

<sup>39</sup> Там же. С. 39.

<sup>40</sup> Там же. С. 41.

цивилизацию с заданностью земнокосмической природы человека? Я, - заявляет Гефтер, - держусь этого последнего из предположений. Ибо считаю, что законченная реализация вообще не отвечает духу истории, как, впрочем, и *perpetuum mobile* “концов и начал”. У истории нет плана, но есть – была – господствующая идея, движущий порыв... С двух концов XX век подорвал историю»<sup>41</sup> и т. д. Считая апологетику Фукуямы банальной, Гефтер все же соглашается с тем, что конец истории наступил. Но у него другие основания. Мы сейчас назвали бы их «гибридными». «Наш век, - пишет он, - до такой степени смешал и отождествил зло с абсолютным добром, что для устранения первого впору отказаться от второго, хотя за вычетом его обнажается пустота в человеке, ждущая... восполнения, которое само по себе выводит за пределы Мира наличных идей, обращая нас к немужейному запаснику»<sup>42</sup>.

В самой этой концовке о конце истории много неясного. Может ли, например, пустота, пусть и человеческая, чего-то ждать? Что за «немужейный запасник»? Ибо, по словам Гефтера, история – не музей, а вечное, никогда не свершающееся начало, а в запаснике находится нечто сделанное. Ответ-вопрос кажется неожиданным и обескураживающим: «Неужто мертвые нас снова не выручат?» Но когда быстро в голове прокручиваешь все возможные значения употребленных слов, понимаешь, что упование - вовсе не мистическое, как могло бы показаться. Напротив, это ссылка на «эллинство», убежденное в том, что свет мысли позволяет человеку оживить прошлое, над которым он размышляет, сделать его настоящим. Про такую способность действительно можно сказать: если человек способен зажечь такой свет (поставить ушедшее перед и рядом с собой), то, «умерев, он жив»<sup>43</sup>.

Внутренняя работа с нулевым временем приводит Гефтера к объяснению того явления, которое он назвал *имморализмом*. В заметках, которые называются «Марсианин», он иронически отзывается о существующем понимании истории как ежедневного свершения. «Лозунги, призывы, словесные штампы-идиотизмы: каждый пленум загодя исторический, каждый съезд заведомо исторический, каждая “речь” – конечно, историческая, а уж всякое слово ОДНОГО не подлежит сомнению, что историческим станет»<sup>44</sup>. *Именно понимание истории как панистории есть конец истории – это принципиально иное объяснение конца, чем у Фукуямы*. Прежняя история (войн, событий, прошлого, даже проектов), которую и до сих пор только и называют историей, понималась им как метаистория, а поколение так понимаемой, антропогенной, истории – метапоколением. Там, где ее, истории, нет, там происходит выбраковка. Гефтер определяет происходящий таким образом отбор, или селекцию, по признаку «УБЫВАЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ»<sup>45</sup>. Таким оказалось предвоенное «Поколение, ОТОЖДЕСТВИВШЕЕ СЕБЯ С ИСТОРИЕЙ». Оно и является родителем имморализма, который отличается от безнравственности (по расчету или из

<sup>41</sup>Гефтер М.Я. История – позади? Историк – человек лишний? С. 31.

<sup>42</sup> Там же. С. 32.

<sup>43</sup> Там же. С. 33.

<sup>44</sup>Гефтер М.Я. Марсианин // Век XX и Мир. 1996. № 1. С. 86.

<sup>45</sup> Там же. С. 87.

соображений карьеры) тем, что имморализм – «падающий до почти нулевой величины иммунитет против дурной безнравственности. Отчего сопротивляемость – ноль»<sup>46</sup>.

Наша догадка о нулевом времени оказалась верной. Этот термин, как видим, употребил сам Гефтер. Его собственное сопротивление признанию нуля было сломлено обнаружением (нахождением, удивлением перед находением) самой возможности *тотальности* истории, которая привела к *тоталитарности*, что, конечно, более глубокое объяснение конца истории (чистая логика методолога!). Именно тоталитарность - основа имморализма, когда убивают, уничтожают, уходят из жизни во имя искусственно возведенной на пьедестал истории.

Великая заслуга Гефтера – в том, что он сказал это сам, считая себя в ответе и за метапоколение, и за метаисторию, за тот пережитый всеми Молох.

Но и нулевое время, если это время, имеет свой конец – это он тоже хорошо понимал. Потому последнее его слово вполне оптимистично: это слово «накануне». «Если попытаться в одном слове собрать все чувства, переживания, мысли уходящего, но еще не ушедшего века, то нет, пожалуй, более точного слова, чем накануне. Мы - накануне. Все на Земле – накануне. Накануне перемен, касающихся не частных и не разновидностей жизни, а ее самой...

НАКАНУНЕ - это сумма бед и угроз, возведенных в степень и поражениями, и отсрочками.

НАКАНУНЕ - это зазор между утраченной целью и непомерностью “простых” задач.

НАКАНУНЕ – это неспособность богатых миров прийти на выручку бедным, не отказавшись от накопленного веками (лучшего, что создал мозг вместе с руками и за счет рук!), – и неспособность бедных миров встать вровень с богатыми, не расплатившись утратой себя: тем, что даже не быт, а бытие, способ жить и воспроизводить жизнь.

НАКАНУНЕ - это кентавр из отказа людей передоверить “кому-то” решение своей участи и всеобщего неумения распорядиться всеобщим суверенитетом...

НАКАНУНЕ - это схватка между Единством и Различием, неприметное повсюдное сражение их – чему быть точкой отсчета и как им ужиться, чтобы выжил человек...

НАКАНУНЕ - это ультиматум, который нетерпение предъявило разуму и силе, апеллируя к крайностям силы и питаясь крайностями разума.

Вот почему не исключены ни бездна, ни избавление.

Вот отчего и то и другое вместе – неразделимые.

Разделит же их, если это вообще суждено, только действие: ответственное и осмысленное, согласное и нетрадиционное человеческое действие!»<sup>47</sup>.

Как на всякое упование, не хотелось бы отвечать. Да и много воды уже утекло с тех лет, когда он, как Фауст, вещал, а лемуры между тем рыли ему яму. Нет накануне, остались канун и канон, в котором спеклась кровь человечества.

<sup>46</sup> Там же.

<sup>47</sup> Цит. по: *Абрамкин В.Ф.* Нетрадиционное человеческое действие // Век XX и мир. 1996. № 2. С. 100.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

## Письма М.Я. Гефтера С.С. Неретиной

Москва, 21.Х. [1970<sup>48</sup>]

Дорогая Светлана!

Хотя есть опасность, что это письмо уже не застанет Вас в Л[енин]гр[а]де, решил рискнуть.

Основная цель – поприветствовать Вас. Надеюсь, что вся тамошняя красота и прелесть (а Вы ведь и мокроты не боитесь) прилила Вам спокойствия и уверенности в себе<sup>49</sup>.

Мы, кажется, завершили цикл – 19<sup>го</sup> – на институтском собрании. Об этом уж надо рассказать подробно – и в лицах. Успеха, разумеется, быть не могло, но как-то стало легче на душе<sup>50</sup>.

Философы устроились в Ин[ститу]те информации. Встретили их очень дружелюбно. Правда, окончательное оформление - днями<sup>51</sup>.

Ваши же перспективы без хозяйки (то бишь Вас) обсуждать не стоило, хотя разговор был<sup>52</sup>.

Нет ли в л[енин]гр[а]дских книжных магазинах «Лунина»?<sup>53</sup>

Надеюсь, что позвоните сразу после возвращения

Ваш МГефтер»

Одесса, 17. Х. 76<sup>54</sup>

---

<sup>48</sup> Год – по штемпелю на конверте, да и по содержанию.

<sup>49</sup> Это письмо – утешение. Меня уже выгнали из Института в МИДовский архив (я писала об этом в «Истории с историей методологии, или Конец истории. (См. мои «Точки на зрении», СПб., 2005). Поездка в Ленинград – последние каникулы перед предстоящей тягостью. Вот что интересно: вплоть до 1974 г., когда я ушла в издательство «Прогресс» к Лену Карпинскому, в моей трудовой книжке местом моей работы будет значиться Институт всеобщей истории АН СССР, хотя в Институте я больше не работала. Это липа, понадобившаяся (зачем?) МИДу, в Архиве которого работали якобы откомандированные из Института люди. Это было своего рода «неразглашаемое соглашение» между двумя ведомствами.

<sup>50</sup> Михаил Яковлевич не случайно написал «19-е», напоминая, что «дело нашего сектора», который унижали и клеймили (об этом я тоже писала в «Точках на зрении»), разбиралось во всем памятную, «лицейскую» дату, связанную с Пушкиным.

<sup>51</sup> Речь идет о трудоустройстве Владимира Соломоновича Библера, Анатолия Сергеевича Арсеньева и Лины Борисовны Тумановой. Несмотря на дружелюбный прием, «окончательного оформления» не было, их не взяли на работу туда. Библер остался в институте в секторе общественных проблем у Б.Ф.Поршнева, Арсеньев ушел в Институт педагогической философии к Феликсу Трофимовичу Михайлову, Лина долго мыкалась. Мы вместе ходили куда-то на Казанский вокзал, пытаюсь устроиться в какую-то группу по научной организации труда, потом она работала во ВНИИТЭ у Зинченко, потом с Зинченко в лаборатории, откуда он ее уволил за диссидентство.

<sup>52</sup> Разговор был с Юрием Александровичем Левадой, сектор которого в Институте конкретных социологических исследований вскоре тоже разогнали, так что моей неперспективной работой остался Архив МИДа.

<sup>53</sup> Речь идет о книге Н.Эйдельмана «Лунина», который пользовался у интеллигенции бешеным успехом – как пример порядочности, правильного поведения инакомыслящих.

<sup>54</sup> Михаил Яковлевич поехал в Одессу после того, как все дела с сектором методологии, с Институтутом были закончены, т. е. все это подлежало осмыслению. Это, помимо болезни, была первая причина, толкнувшая его на путешествие. Но была вторая, скрытая, тяжкая и, конечно, более весомая: он начинал исподволь, издали, пробираться в места своего детства и отрочества – к Симферополь, где он родился, вырос, где остались его любимые бабушка и мама, когда он поехал в Москву, в университет, на

Привет Вам...от кого хотите? От дюка, одесской лестницы, желтых и красных листьев, шуршащих на каждом шагу под ногами, от Пушкина, похожего на Отелло – сквозь парк исподлобья смотрящего на Воронцовский дворец, в к[оторо]м он, впрочем, никогда не был (дворец построили позже), а особенно, не догадаетесь даже, от скифских и гуннских каменных баб – потрясающе жутких и живых: во дворе Археологич[еско]го музея (можно приехать в Одессу спец[иаль]но в этот музей) они стоят в ряд – десятка полтора, поставленных с удивительным чувством ритма и, я бы сказал, изяществом. Они из другого мира, к[оторо]го нет, а, м[ожет] быть, к[отор]ый будет снова, тогда они оживут и заговорят<sup>55</sup>. Если долго смотреть, можно заметить, что губы у них шевелятся.

Еще одна встреча, совсем другая, милая, легкая – в местной картинной галерее с любимой мною Серебряковой. Автопортрет в костюме Пьеро. Ах, эти 1910-е. Прелестные глаза, наклепленный нос. Свет сбоку вверх, легко жить, светло дышится.

Но сейчас холодно. С зимой довелось встретиться здесь – и весь отдых как-то сбился. Зима зовет в Москву, к столу.

Скоро увидимся. Сколько страниц накатали? 100 – 200 – 1000?<sup>56</sup>

Ваш МГ

Москва, 12.I. 86

Дорогая Светлана!

---

исторический факультет в 1936 г. Его бабушка и мама были расстреляны фашистами в 1941-м, и он не мог, физически, психически не мог туда ехать. Даже когда он мне (крайне скупно) рассказывал это, он задыхался, и его и без того тихий голос, становился еще тише.

<sup>55</sup> Удивительно: я пишу этот комментарий после того, как вышла моя книга «Точки на зрении», где я написала о художнике из Германии Никосе Самартьидисе, который пишет картины, героем которых является линейное письмо В, на которое он переводит современных поэтов. И я написала, что, интересно, кто же будет их читать, и ответила, а мы и будем. Когда я писала, я, разумеется, думать не думала об этом письме Гефтера, я и забыла о его существовании. И вот сейчас оно окликнуло меня, показав, что да, между нами было стилистическое сходство, заключающееся в понимании, помимо всего прочего, смысла собирания прошлого: оно вполне может оказаться нашим будущим. Это, кстати, обнаруживает и несокрушимость Гефтера, продолжавшего заниматься «Лениным» во все времена – когда Лениным позволялось заниматься с определенных позиций и когда все друзья говорили, что это занятие – недостойное, он – палач. Гефтер продолжал исследования, потому что это вполне может оказаться нашим будущим, а потому во всей революционной ситуации надо разобраться спокойно, без внешних приказов. Как, например, всех революционеров можно объявить бандитами – люди жертвовали собственными жизнями, шли на каторгу, которая не мед и не сахар?

<sup>56</sup> Я тогда писала диссертацию о средневековом сознании, потому что с прежней моей темой «Восстание Этьена Марсея» мне в Институте нельзя было и шагу шагнуть – не приняли бы, помня, что я «от Гефтера», да я и не прониклась этой темой. Александра Дмитриевна Люблинская, мой научный руководитель, справедливо требовала углубления в финансовые дела третьего сословия XIV в. Я не хотела. Работа застопорилась, и я написала сценарий для телевидения «Четыре дороги к истине», где речь о восстании вели четыре хроникера-очевидца с разных позиций. Это и было поставлено на ТВ. В это время (в конце 60-х) я вернулась к моей старой курсовой (даже не дипломной) работе об «Исторической библии» Гийара де Мулэна, написала статью, опубликованную в сборнике, ответственным редактором которого был Арон Яковлевич Гуревич, публикации которой препятствовала Александра Дмитриевна. Я все, что писала, показывала Евгении Эммануиловне Печуро, которая была жестким критиком, после разговоров с которой было трудно дышать, Библеру, который был не менее жестким, но разговор с которым всегда вселял надежду и открывал, и Гефтеру, для которого недостатки были мелочью: он показывал их так, словно ненароком, если видел какую-то дельную сквозную мысль, о чем говорил упорно, глядя в глаза. Она словно была его мыслью, и я понимала, что здесь «попала в точку». Книгу «Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356 – 1358 гг.» я издала в 2012 г. (М.: Голос).

Спешу откликнуться на Ваше стихотворение в прозе, дабы не упустить шанс, что ответ доберется до Паланги раньше Вашего отъезда.

И, конечно, со старым Новым годом – добротным и во всяком случае более надежным, чем тот, что качался между часовыми стрелками, решая, не быть ему или быть? (Это я за Шекспира поменял местами части именитого вопроса<sup>57</sup>. Согласитесь, что так вернее...)

Надеюсь, что шаткий столик не испортит Вам отдыха, а художники, что над Вами, окажутся не только молотостукачами, но еще и приятными собеседниками<sup>58</sup>.

«Были же люди, которые называли мысли мыслями» - это Вы о Паскале. Думаете, сейчас засмеют? Похоже, что всё на этот счет запутаннее. И вроде бы мысли без поступка теряют силу, и мысль как поступок под разным огнем. Разве не об этом говорит с нами судьба женщины, неотделимая от 85-го<sup>59</sup>?

И Вам – всех благ!

Ваш МГ<sup>60</sup>

29 сентября 1987 г. (из больницы)

Светанька, солнышко!

Спасибо – за бездарность в иных словах. Я возвращаюсь в жизнь, но уже другую – светом и смыслом. Борюсь за Н О Г И, чтобы держали<sup>61</sup>. И все на свете помню.

Всем, кому захотите, привет.

Целую М.

б/д

Света! Не болейте! МГ

18.VI.88

Света!

Отсылаю и, надеюсь, галлюцинациям текстом – конец.

Изменения отметил карандашной галочкой или кружочком. Да они и так видны.

А.П.Огурцову<sup>62</sup> скажите, что в «завещании» Н.И.<sup>63</sup> нет ни малейшей уловки. А[нна] М[ихайловна] сказала мне – «он весь собрался, когда писал его».

<sup>57</sup> См. выше о Чаадаеве и России.

<sup>58</sup> Так оно и было. Сначала художники сколачивали рамы, потом писали, а по вечерам лазали друг к другу через окна. Иногда и через мое. Я была очень покладистой. И они это оценили, часто приглашая к себе. А к концу пребывания подарили мне картину с тремя дамами, чашкой, чайником и кошкой: сейчас она висит у меня дома.

<sup>59</sup> Имеется в виду Лина Борисовна Туманова.

<sup>60</sup> В конверт вложена открытка с видом Новодевичьего монастыря, на обороте которой написано: «В напоминание о Москве!».

<sup>61</sup> У Михаила Яковлевича был инфаркт, из которого он трудно выбирался. Боялся, что не сможет ходить, – любил ходить, прогулки составляли важную часть жизни. В конце 70-х, когда дом прослушивался, мы с ним и Топом, любимым псом, ходили гулять в парк - не парк, сквер - не сквер возле его дома по ул. Гарибальди, 23 (3 этаж кв.31) и говорили-говорили, будто больше не будет сил и времени.

<sup>62</sup> Александр Павлович Огурцов (14 сентября 1936 – 8 мая 2014), один из лучших современных философов, тогда был очень известным человеком, ибо был одним из первых подписантов (вместе с Борисом Шрагиным, Игорем Алексеевым и др.), подписавшим письмо в защиту А.Гинзбурга, Ю. Галанского, А. Добровольского и В.Лашковой... Саша был не просто мужественным на том заседании, где их прорабатывали, он спокойно выложил «им» эту «бумажку» - партбилет, о чем ходили

Таким он был. И в этом, кстати, его моральная победа над Сталиным. Единственная возможность быть собою, когда собою означало в одно и то же время и жизнь, и смерть.

А что жесткая правда лучше самого возвышающего обмана, это А.П. знает не хуже нас. [Очень бы хотелось сохранить строки о «современных витиях» (стр. 7), среди к[оторы]х<sup>64</sup> немало знакомых.]

Афанасьеву<sup>65</sup> не дозвонился. Попробую еще. Рад был бы повидаться. Спасибо Вам за содружество, вернувшее меня в ту осень 69-го, когда сдавали вместе в «Науке» памятный сборник и я подарил Вам фото какой-то зверюшки (вот какой – не помню).

Ваш МГ

PS. Кажется, примеч[ани]е, в к[оторо]м говорится о Ваших комментариях, по телефону сформулировалось лучше (но я не записал). На Ваш выбор.

---

восторженные рассказы в диссидентских и околодиссидентских профессиональных кругах. Саша в то время еще не был моим мужем, потому Гефтер столь официален.

<sup>63</sup> Речь идет о подготовке статьи Гефтера о Бухарине и о переводе с французского (мною) доклада Бухарина, о культуре, впоследствии опубликованных в «Вопросах истории естествознания и техники» (см.: *Бухарин Н.И.* основные проблемы современной культуры//ВИИЕТ. 1988ю № 4). Отрывок с вводной статьей Гефтера уже был опубликован в газете «Советская культура» («Савраска»), редактор сказала, что у Гефтера «прелестный стиль». Тогда Гефтер познакомился с Еленой Эвальдовой Иллеш (Ильенковой) и Андреем Владимировичем Иллешем (1949–2011), ее мужем, работавшим в «Савраске», а я - с Анной Михайловной Лариной-Бухариной, которая была родной тетей по матери Марианны Владимировны Милютиной, которая была дочерью Владимира Павловича Милютина, первого наркомзема России после революции, расстрелянного в 1937. Ее мать была отправлена в лагерь. Марианна же была невестой моего деверя Жоры, погибшего на войне. Марианна и Юра Ларин, сын Бухариных, были кузенами, оба после ареста родителей воспитывались дядей, который впоследствии тоже был арестован.

После публикации моего перевода я надписала (очень вычурно) газету Анне Михайловне. Еще через некоторое время появился перевод этой же статьи, выполненный дочерью Бухарина Светланой Николаевной Гурвич, с которой мы когда-то работали в одном институте (истории, затем всеобщей истории). Я передала ей привет от Марианны, она поблагодарила и спросила: «А Вы знаете, кто я?» Я ответила: «Знаю», нечаянно оказавшись внутрисемейным «проводником».

<sup>64</sup> В оригинале: от слова «которых» стрелка к словам о «современных витиях».

<sup>65</sup> Юрий Николаевич Афанасьев (1934–2015) был в то время ректором Историко-архивного института, активно участвовавшим в демократическом движении.

## Литература

*Абрамкин В.Ф.* Нетрадиционное человеческое действие // Век XX и мир. 1996. № 2. С. 94 – 107.

*Августин.* Об учителе / Пер. с латыни В.В.Бибихина // Памятники средневековой латинской литературы IV – VII веков / отв. ред. С.С.Аверинцев и М.Л.Гаспаров. Сост. О.Е.Нестерова. М.: Наследие, 1998. С. 170–204.

*Высочина Е.И.* Михаил Яковлевич Гефтер (1918-1995) // Историки России: Послевоенное поколение. М.: АИРО-XX, 2000. С. 79-114. URL: <https://refdb.ru/look/1312125.html>.

*Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. - 488 с.

*Гефтер М.Я.* История – позади? Историк – человек лишний? // Век XX и Мир. Михаил Гефтер. Аутсайдер – человек вопроса. 1996. № 1. С. 9–32.

*Гефтер М.Я.* Марсианин // С. 82 – 90.

*Гефтер М.Я.* Прощальная запись//Век XX и Мир. Михаил Гефтер. Аутсайдер – человек вопроса. 1996. № 2. С. 7–41.

*Неретина С.С.* История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. № 9.

*Неретина С.С.* Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. М.: Голос, 2018. – 512 с.

Россия в мире: историческое самоузнавание // Вопросы философии. 1993. № 1.

*Элиаде М.* Миф о вечном возвращении// URL: [http://ofap.ru/pisatel/7682/book/49104/eliade\\_mircha/mif\\_o\\_vechnom\\_vozvraschenii](http://ofap.ru/pisatel/7682/book/49104/eliade_mircha/mif_o_vechnom_vozvraschenii).

## References

Abramkin, V. *Netradicionnoe chelovecheskoe dejstvie* [Untraditional Human Action], in *Vek XX i Mir. Mihail Gefter. Autsajder – Chelovek Voprosa* [20<sup>th</sup> century and the World. Mikhail Gefter. Outsider – the Questioning Man]. 1996, № 2.P. 94 – 107. (In Russian)

Augustinus, A. *Ob uchitele* [On the teacher], in *Pamjatniki Srednevekovoj Latinskoj Literatury IV – VII s.* Transl. by V. V. Bibikhin. Ed.by S.S.Averincev, M.L.Gasparov. Sostavitel’O.V. Nesterova. Moscow, Nasledie Publ., 1998.P. 170–204. (In Russian)

Vysochina, E. Mihail Yakovlevich Gefter (1918-1995), in *Istoriki Rossii: Poslevoennoe pokolenie* [Historians of Russia: the Post-War Generation]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2000.P. 79–114. (In Russian) URL: <https://refdb.ru/look/1312125.html>.

Gefter, M. *Iz teh i etih let* [From these and that years]. Moscow: Progress Publ., 1991. 488 pp. (In Russian)

Gefter, M. *Istorija – pozadi? Istorik – chelovek lishnij?* [Is History Left Behind? Is Historian an Extra Person?] in: *Vek XX i Mir. Mihail Gefter. Autsajder – Chelovek Voprosa*, 1996, № 1.P. 9–32. (In Russian)

Gefter, M. *Marsianin* [The Martian], in *Vek XX i Mir. MihailGefter. Autsajder – ChelovekVoprosa*, 1996, № 1.P. 82 – 90. (In Russian)

---

Gefter, M. *Proshal'naya zapis'* [The Last Record], in *Vek XX i Mir. Mihail Gefter, Autsajder – Chelovek Voprosa*, 1996, № 2. P. 7–41. (In Russian)

Neretina, S. *Istoriya s metodologiyei istorii* [A Story with the Methodology of History], in *Voprosy Filosofii*, 1990, № 9. (In Russian)

Neretina, S. *Pausa sozercaniya. Istoriya: archaisty i novatory* [Pause of Contemplation. History: Archaists and Innovators], Moscow: Golos Publ., 2018. – 512 pp. (In Russian).

Eliade, M. *Mif o vechnom vozvrashhenii* [Cosmos and History: The Myth of the Eternal Return] URL: [http://ofap.ru/pisatel/7682/book/49104/eliade\\_mircha/mif\\_o\\_vechnom\\_vozvrashchenii](http://ofap.ru/pisatel/7682/book/49104/eliade_mircha/mif_o_vechnom_vozvrashchenii).

---

## Ontology of memory. To the 100th anniversary of M.Ya.Gefter

**Neretina S.S., Institute of Philosophy RAS**

**Abstract:** Dedicated to the 100th anniversary of the birth of a historian who covered the problems of methodology and philosophy of history, M. Ya. Gefter, the article is about how history was represented by a historian. History, according to Gefter, first of all, is not a natural historical process, it is defined as a Choice, as a movement of Choice, which has come to an end: in the 20th century history has become a panistorium, having lost its former meaning - to realize the "expansion of the world's unity" and turning into an absurdity that introduces a person to an unknown-life-after-history and signals that history's reaching its limit. History and the historian have entered the sphere of deception, for the sayings reflect now what is not there, and the human being is at the "zero of the forms", about which, even contrary to Gefter, it couldn't be said that he is placed on the border between the instantly vanishing past and the scarcely glimmering future, because at the "zero of the forms" they do not exist, become an illusion. What allowed Gefter to speak about the borderland is him belonging to the "fallen", post-war, generation. What is now called history, has become a utopia. As the reason for the end of history, he calls the "hybrid" grounds: a mixture of absolute evil with absolute good. The article concludes with the publication of Gefter's letters to the author of the article.

**Keywords:** philosophy of history, methodology of history, end of history, time, absurdity, World, questioning, beginning, choice, deception.